

Панков А. А. Древнерусский приход: Краткий очерк церковно-приходской жизни в Восточной России до XVIII века и в Западной России до XVII века // Богословский вестник 1897. Т. 2. № 4. С. 42–67 (2-я пагин.). (Окончание.)

ДРЕВНЕ-РУССКІЙ ПРИХОДЪ.

Краткій очеркъ церковно приходской жизни въ восточной Россіи до XVIII вѣка, и въ западной Россіи—до XVII вѣка.

(Окончаніе)

Изъ эпохи болѣе отдаленной сохранилось весьма мало свѣдѣній о такихъ братчинныхъ союзахъ, которые по своей дѣятельности выдѣлялись между остальными и оставили слѣды своего существованія въ исторіи; мы разумѣемъ здѣсь такіе союзы, которые будучи территориально связанными „приходомъ“ въ одно цѣлое, преслѣдовали въ обширномъ видѣ свои религіозно-церковныя интересы, такъ равно и тѣ, которые составлялись на примѣръ лицами, связанными по торговлѣ, и которые ограничивали свою дѣятельность заботами о нуждахъ какого либо храма. Недостатокъ историческихъ данныхъ о древнихъ приходскихъ союзахъ дѣлаетъ тѣ немногія свѣдѣнія, которыя сохранились о нѣкоторыхъ изъ нихъ, весьма цѣнными.

Иванская церковно-приходская община въ Новгородѣ въ XII вѣкѣ.

Обращаясь къ сѣвернорусскимъ народоправствамъ, къ Новгороду и Пскову, мы находимъ въ древнихъ актахъ нѣкоторыя подробности о церковно-приходскихъ союзахъ, существовавшихъ въ весьма отдаленную эпоху въ этихъ областяхъ. Такъ, прежде всего, слѣдуетъ отмѣтить Новгородскую церковно-приходскую купеческую общину, которая уже въ 1134 году существовала при церкви святаго великаго Ивана на Опокахъ, или на Петратинѣ дворницѣ, что на Торговой сторонѣ, въ Славянскомъ концѣ. Эта церковь въ честь св. Іоанна Предтечи была выстроена въ 1130 году благочестивымъ великимъ княземъ Всеволодомъ Мстиславичемъ (причисленнымъ на Соборѣ въ Москвѣ въ 1549 году къ лику святыхъ). Эта церковь была снабжена и украшена иконами и Евангеліемъ многоцѣнными, и

„всѣми книгами исполнь“, и при ней состоялъ многочисленный причтъ. Съ цѣлью увеличить церковные доходы, великій князь Всеволодъ дозволилъ устроить въ притворѣ церкви вѣсы для взвѣшиванія товаровъ и взиманія за то пошлинь ¹⁾. Кроме того вокругъ церкви отведенъ былъ участокъ земли, который отдавался подъ торгъ за плату, и деньги эти тоже шли на церковь. Благоустройство церкви и всѣ заботы о правильномъ поступленіи церковныхъ доходовъ, а равно и содержаніе многочисленнаго причта было возложено великимъ княземъ, главнымъ образомъ, на мѣстное кунечество Иванское, которое по своей внутренней организаціи напоминало „гильдейскій союзъ“; въ купечество Иванское ²⁾ вступали лишь тѣ торговцы, которые уплачивали предварительно купечеству извѣстную сумму денегъ (50 грив. сереб.) ³⁾, изъ которой половина шла на нужды церкви. Отдавая на попеченіе купеческаго товарищества заботы о церкви, великій князь, вмѣстѣ съ тѣмъ, предоставилъ въ этомъ дѣлѣ участіе и другимъ классамъ населенія; такъ къ двумъ купецкимъ церковнымъ старостамъ (изъ пошлыхъ кунцовъ), житін люди (зажиточные горожане) ставили своихъ трехъ старостъ, а что всего замѣчательнѣе въ организаціи этой церковной общины это то, что черные люди (простолюдины) также имѣли своего представителя въ этомъ общемъ церковномъ дѣлѣ, именно своего „тысяцкаго“. Иванская церковная община во всѣхъ своихъ церковныхъ и торговыхъ дѣлахъ была ограждена уставною грамотою великаго князя Всеволода отъ всякаго вмѣшательства въ ея дѣла со стороны Новгородскихъ посадниковъ и бояръ; именно въ грамотѣ сказано: „управливати имъ (то есть старостамъ) всякія дѣла Иванская, и торговая, и гостинная, и судъ торговый“, а

1) Тутъ производилась оптовая обще-русская торговля воскомъ.

2) Пошлые иванскіе кунцы.

3) Гривна серебра XII вѣка равнялась приблизительно 18 рублямъ нынѣшнимъ, причѣмъ надо принять, что теперешніи деньги дешевле прежнихъ въ 7 разъ (приблизительно), а потому вкладъ этотъ представлялся весьма значительнымъ и Лешковъ опредѣляетъ его около 6,000 рублей. См. Лешковъ, Рус. нар. и госуд., Москва, 1858 г., стр. 334—397. Сравни Прозоровскаго. Монета и вѣсъ въ Россіи до конца XVIII столѣтія, 1865 г., стр. 178—184.

„поповъ и дьякона и дьяка и сторожовъ призирати старостамъ и купцемъ“. Ближайшихъ свѣдѣній о дѣятельности этого церковнаго общества и его старость, къ сожалѣнію, не сохранилось, но до насъ дошло описаніе того, какъ справляла эта братчина свой храмовой праздникъ, то есть день рождества св. Іоанна Крестителя. Изъ церковной казны отпускалась довольно большая сумма денегъ (25 грив. серебр.) на праздникъ, который продолжался три дня, а старосты купеческіе выдавали 70 свѣчей и ладанъ. Въ первый день праздника служилъ самъ Новгородскій владыка, во второй—одинъ изъ архимандритовъ Новгородскихъ, а въ третій—игуменъ Антоніевскаго монастыря. На праздникъ присутствовали важнѣйшія правительственныя власти города. Всѣ перечисленныя духовныя лица получали отъ этого древнѣйшаго нашего церковнаго братства денежныя суммы; такъ владыкѣ полагалась гривна серебра; кромѣ того этимъ же духовнымъ лицамъ, а также присутствовавшимъ на праздникѣ властямъ, шли богатые подарки, какъ-то: куски заграничныхъ суконъ. Весьма также характерно, что всѣ эти духовныя и должностныя лица, приглашенныя на праздникъ, сами должны были давать „по старинѣ“ положенное съ каждаго число пудовъ меда „на подсыгу“, или „на подсласту“, то есть для варенія меда, распиваемаго на праздникѣ.

На подобіе Новгородскихъ купеческихъ товариществъ были такія-же торговыя общества въ городѣ Псковѣ, въ гор. Руссѣ, въ городѣ Торжкѣ, въ Заволочѣ (то есть въ Двинской области, включавшей въ себѣ всѣ земли къ сѣверовостоку отъ Бѣлаго озера). Эти товарищества, кромѣ своихъ купеческихъ дѣлъ, несомнѣнно также включали въ кругъ своихъ общихъ обязанностей и дѣла церковныя, такъ какъ многія изъ нихъ сооружали или поддерживали на свои средства церкви, въ которыхъ устраивали особые подвалы или виши для храненія товаровъ; такъ въ городѣ Псковѣ такую церковь, построенною мѣстнымъ купечествомъ въ XIV вѣкѣ, и состоявшею на его попеченіи, былъ храмъ св. Софіи, а въ городѣ Руссѣ новгородскіе купцы прасолы построили въ 1404 году каменную церковь Св. Бориса и Глѣба; еще гораздо ранѣе, а именно въ 1147 году, новгородскіе купцы поставили свою церковь въ Кіевѣ, именно

въ честь св. Михаила, называвшуюся Новгородскою божницею“¹⁾. Въ городѣ Торжкѣ была сооружена, въ концѣ XIV вѣка, на купеческія средства церковь Слеса Преображенія.

Первое лѣтописное свѣдѣніе о древне-русской церков-^{Лѣтописное свѣдѣніе о братчинѣ въ Полоцкѣ, XII вѣка.} ной братчинѣ мы имѣемъ въ лѣтописи Ипатьевской, подъ 1159 годомъ. Въ этой лѣтописи, при описаніи борьбы, которую вели между собою Полоцкіе князья Ростиславъ и Рогвольдъ, упоминается о томъ, какъ Полочане принимавшію въ то время сторону Рогвольда, съ пѣлью избавиться отъ Ростислава, старались заманить его къ себѣ на братчину, которая справляла свой праздникъ въ городѣ Полоцкѣ при „старой“ церкви Пресвятой Богородицы, на Петровъ день, и тутъ, во время пиршества думали овладѣть Ростиславомъ, полагая, что князь пріѣдетъ къ нимъ на праздникъ безъ оружія. Но Ростиславъ, провѣдавъ о замыслахъ Полочанъ, явился къ нимъ въ братчину, надѣвъ подъ платье броню, и горожане, замѣтивъ оружіе на князѣ, не осмѣлились его схватить. Вотъ подлинныя слова лѣтописи, относящейся до Полоцкой братчины: „и начаша Ростислава звати лъстью у братьщину къ Святой Богородицѣ къ старѣй, на Петровъ день, да ту имуть и“.

Указаніе Ипатьевской лѣтописи на существованіе въ сѣ-^{Медовыя братства въ западной Россіи.} веро-западной Россіи, въ XII вѣкѣ, братчинъ, занесенное въ лѣтопись, конечно, мимоходомъ, какъ о совершенно обыкновенномъ явленіи, служить лучшимъ доказательствомъ той тѣсной связи, которая существовала въ церковныхъ дѣлахъ между православнымъ русскимъ востокомъ и западомъ. И дѣйствительно позднѣйшія историческія данныя, въ свою очередь, свидѣтельствуютъ, что въ западной Руси, какъ и въ восточной, повсемѣстно при храмахъ существовали церковныя союзы прихожанъ, извѣстные подъ именемъ „медовыхъ братствъ“. Эти медовыя братства, по древне-русскому обычаю приготавливали, къ опредѣленнымъ праздникамъ („урочистымъ святамъ“) большую свѣчу, пѣли молебень и устраи-

1) См. П. С. Р. Л., т. I. Въ Лаврент. лѣт. под. 1147 годомъ (стр. 133) сказано: „И повелѣ Лазарь взяти Игоря (убитаго) и понести и въ церковь святаго Михаила, въ Новгородскую божницу, и ту положивша и въ гробъ, ѣхаста на Гору; и лежа ноць ту“.

вали складочные пиры, варили пиво, сытили медъ, а воскъ отдавали на свѣчи и на церковныя потребности. О стародавности благочестиваго обычая сыченія прихожанами меда съ цѣлью доставленія приходской церкви средствъ на удовлетвореніе церковно-хозяйственныхъ нуждъ, свидѣтельствуется, между прочимъ, епископъ Пинскій и Туровскій Вассианъ, жившій въ XVI вѣкѣ. Употребленіе этихъ доходовъ на нужды церкви въ большинствѣ случаевъ служило для литовско-польскихъ королей поводомъ къ освобожденію прихожанъ, посредствомъ особыхъ грамотъ, отъ уплаты кащизны за это медовареніе и пивовареніе. О медовыхъ братствахъ, существовавшихъ при церквахъ въ западной Россіи, упоминаютъ многіе древніе акты.

*Богадѣльни,
больницы и
школы при
церквахъ.*

Несомнѣнно, при церквахъ основывались по древнему обычаю разныя благотворительныя учрежденія, какъ о томъ, на примѣръ, свидѣтельствуется записъ Луцкаго и Владимірскаго князя Любарта Редеминовича, совершенная 8 декабря 1322 года въ пользу соборной церкви св. Іоанна Богослова въ городѣ Луцкѣ; записъ земельного имущества сдѣлана „на потребу“ церкви, въ пользу причта, и на устройство богадѣльни для нищихъ, больницъ и страннопріимныхъ домовъ. Изъ эпохи позднѣйшей имѣется цѣнное свидѣтельство о томъ, что при церквахъ учреждались школы. Такъ, одинъ протестантскій писатель Павелъ Одербонъ, бывшій пасторомъ въ Ковнѣ, входившій въ собесѣдованія съ русскими священниками и посѣщавшій Вильну, въ своемъ сочиненіи, писанномъ въ 1581 году, сообщаетъ: „русскіе всегда имѣютъ при церквахъ школы; здѣсь тридцатилѣтній юноша обучаетъ дѣтей первымъ начаткамъ грамоты; алфавитъ ихъ весьма похожъ на древній греческій. Католики не преподаютъ никакого, а предлагаютъ дѣтямъ только молитвы къ Пресвитой Дѣвѣ и св. Николаю, написанныя въ книгахъ; впрочемъ изучаютъ апостольскій символъ, нѣсколько измененный. Затѣмъ слѣдуютъ псалмы Давида, которые они употребляютъ и днемъ и ночью“ ¹⁾).

1) Тотъ же авторъ сообщаетъ, что въ Полоцкѣ и Вильнѣ съ особеннымъ великолѣпиемъ совершалось богослуженіе (см. Филар. Пер. рус. церкви; 1851 г., ч. 3, стр. 205). Нарбутъ въ своей ист. лит. (Dz. star. nai. Lit. т. IX, стр. 480) утверждаетъ, что „szkoly publiczne byly za zwyczaj przy Kosciolach, cerkwiachъ Ruskichъ, albo przy klasztornychъ zakladychъ“.

Міряне западной Россіи пользовались еще въ болѣе широкихъ размѣрахъ, нежели міряне восточной Россіи. своимъ правомъ выбора епископовъ, священниковъ и прочихъ членовъ причта, такъ равно и правомъ распоряженія церковнымъ имуществомъ; они считали своей первой обязанностью защищать предъ правительствомъ неприкосновенность православной вѣры, правъ и вольностей своей церкви, и въ этой защитѣ принимали участіе, не только высшее служилое сословіе, дворяне, но и мѣщане и даже черные люди ¹⁾. Если въ сельскихъ приходахъ со времени отобранія земель (въ XV вѣкѣ) въ пользу короля, служилаго сословія и высшаго духовенства и постепеннаго разрушенія сельской общины, право выбора членовъ причта и право распоряженія дѣлами церковнаго благоустройства, а также церковнымъ имуществомъ, перешло къ владѣльцамъ, въ качествѣ патроновъ церкви, то въ городскихъ приходахъ, не расположенныхъ на владѣльческихъ земляхъ, это право по прежнему оставалось за прихожанами.

Здѣсь уместно будетъ напомнить, что западно-русскія городскія общины, особенно на югѣ (въ степной Украинѣ), гдѣ помѣстья землянъ и высшаго сословія были весьма рѣдки. долгое время сохраняли за собой, какъ общинную поземельную собственность, расположенную въ иныхъ мѣстахъ на довольно обширномъ пространствѣ вокругъ города, такъ и свои старинныя общинныя права-самосуда и самоуправленія,—которыя литовско-польскіе короли старались, какъ увидимъ ниже, поддержать путемъ введенія Магдебургскаго городского устройства ²⁾.

См. о русскихъ школахъ при церквахъ и монастыряхъ у Ярошевича „Obr. Lit, т. II, стр. 40. Въ томъ I того-же сочиненія, на стр. 153, говорится: „Między Rusinami litewskimi czynienie legatów na cerkwie w rzeczach ruchomych od wieków mogło być we zwyczaj; tym sposobem pomażali się cerkiewne aparaty, naczynia, obrazy i książki, lecz majątki nieruchome dopiero Zygmunt I, r. 1506 cerkwiom zapisywac dozwolił“. (Ссылка на Czacki, II, p. 63).

¹⁾ См. для примѣра челобитную русскихъ князей къ патріарху о благословеніи на Кіевскую митрополию избраннаго ими Полотскаго архіепископа Іоны, въ 1488 году. Вѣсти Запад. Россіи, 1868 г., кн. II, от. 1.

²⁾ О городскихъ общинахъ въ западномъ краѣ. см. стат. В. Б. Антоновича, „Исслѣдованіе о городахъ юго-западнаго края“, въ монографіяхъ по истор. зап. и юго-зап. Россіи, Кіевъ, т. I, стр. 135—194

Выборъ мирянами западной Россіи епископовъ, священниковъ, а также членовъ причта, а также церковнаго старосты.

Такая самостоятельность городовъ и нѣкоторая независимость жителей—мѣщанъ отъ намѣстнической или старостинской административно-судебной власти, способствовали удержанію въ рукахъ мѣщанъ самоуправления въ дѣлахъ церковно-приходскихъ. Литовскіе государи Владиславъ III, Казиміръ, Александръ, Сигизмундъ Старый, въ своихъ грамотахъ всему русскому духовенству и народу торжественно подтверждали гражданскую свободу русскихъ, вмѣстѣ съ свободою совѣсти. Такъ, въ грамотѣ отъ 1499 года великій князь Александръ заявлялъ, что всѣ доходы и имущества церковные, всѣ sprawy и суды духовные онъ будетъ защищать отъ посягательствъ своихъ чиновниковъ, что всѣ церковныя дѣла разрѣшается производить „подлѣ обычае“ православной церкви, „по давному“, на основаніи „свитка Ярославля“. Подъ защитой этихъ грамотъ, русскіе православные мѣщане, въ лицѣ своихъ выборныхъ представителей, избирали священниковъ, дьяконовъ, уставниковъ и пономарей, ежегодно провѣряли и описывали совместно съ духовенствомъ, церковное имущество („скарбъ церковный“), а по смерти священника забирали ключи отъ церкви и хранили ихъ пока новый священникъ, по рукоположеніи, не являлся въ церковь для служенія. Если въ Вильнѣ, Полоцкѣ и, быть можетъ, въ другихъ сѣверо-западныхъ городахъ, должность церковнаго старосты совмѣщалась въ лицѣ бургомистра и его помощниковъ (радцевъ и лавниковъ), то въ средней полосѣ, какъ напримѣръ въ старомъ Берестѣ (Брестѣ), право распоряженія церковнымъ имуществомъ принадлежало цѣлому приходу, который дѣйствовалъ чрезъ церковнаго старосту („starosta cerkwie“); староста и прихожане, совместно съ причтомъ, распоряжались церковными землями, отдавали ихъ въ аренду, дѣлали замѣны однихъ земель на другія, словомъ, дѣйствовали на правахъ полныхъ хозяевъ.

Весьма понятно, что правильно организованныя церковныя братства, съ нарочито составленными уставами, легче и скорѣе всего могли появиться на почвѣ большихъ городовъ, коими въ эпоху XV вѣка были Вильна и Львовъ. Прежде чѣмъ перейти къ историческому очерку древнихъ Виленскихъ церковныхъ братствъ, бросимъ бѣглый взглядъ на прошлое города Вильны и на быть ея горожанъ.

Мѣстность, гдѣ лежитъ городъ Вильна, стала заселяться еще въ XII и въ особенности въ XIII вѣкѣ, когда литовцы, тѣснимые въ своихъ первоначальныхъ поселеніяхъ (въ сѣверо-восточной Пруссіи и Курляндской губерніи) нѣмецкими рыцарями, толпами устремились въ нынѣшнюю Ковенскую, а затѣмъ Виленскую губерніи. вмѣстѣ съ литовцами здѣсь селились и русскіе, ища въ непроходимыхъ и дремучихъ тогда лѣсахъ Литвы, защиты отъ полчищъ Баття; они селились по обонмъ берегамъ рѣки Вилии ¹⁾, отъ имени которой получило названіе и новое поселеніе. Значеніе Вильны, какъ главнаго города, начинается со времени княженія Гедимина, основавшаго здѣсь свою столицу. Русскіе переселенцы, вмѣстѣ съ своими познаніями въ ремеслахъ и духомъ торговой предпримчивости, принесли въ край и христіанскую вѣру, которую однако насильно не навязывали литовцамъ-язычникамъ и мирно проживали рядомъ съ ними. Древнѣйшіе православные храмы въ городѣ были построены въ XIV вѣкѣ. Супруга великаго князя Ольгерда Марія Витебская построила (умерла—около 1346 года), по образцу кіево-новгородскихъ храмовъ каменную церковь св. Параскевы, называвшуюся въ народѣ Пятницкой; церковь эта расположена была на мѣстѣ бывшаго языческаго капища и сдѣлалась придворною. Затѣмъ, въ то-же правленіе Ольгерда, при содѣйствіи его второй супруги, княжны Тверской Іуліаніи, была устроена на мѣстѣ мученической кончины св. Іоанна, Антонія и Евстафія церковь св. Троицы. Мученики эти были погребены при церкви Николаевской, построенной, быть можетъ, еще при Гедиминѣ, въ честь святителя Николая, почитавшагося покровителемъ Литвы вплоть до конца XV вѣка. Во второй половинѣ того же XIV столѣтія великимъ княземъ Ольгердомъ, несомнѣнно подъ вліяніемъ его благочестивой супруги Іуліаніи, „защитницы христіанъ русской вѣры“, возведенъ былъ въ центрѣ русскаго поселенія, недалеко отъ великокняжескаго дворца,

1) Вѣриѣе—„Велея“, „Велья рѣка“; см. замѣтку въ Вилен. Арх. Сб., т. VII, стр. 9, примѣч. 23. См. о началѣ Вильны въ „Очер. ист. г. Вильны“ въ 5 и 6 вын. Памят. стар. зап. губ. Батюшкова. Быть можетъ названіе „Вильны“ литовское; вильно—по литовски „волна“. См. статью „Значеніе нѣког. именъ Литов. князей и названій мѣстностей Литвы въ Ж. М. Н. II., 1850 г., т. 66.

Пречистенскій соборъ, освященный, по преданію, митрополитомъ Московскимъ Алексіемъ, пребывавшимъ временно въ городѣ Вильнѣ. Къ тому же вѣку относятъ постройку церкви въ честь пророка Іліи. Существованіе православныхъ церквей въ такую отдаленную эпоху указываетъ на преобладаніе въ городѣ русскихъ, гдѣ они дѣйствительно составляли значительную часть населенія и преимущественно держали торговлю въ своихъ рукахъ ¹⁾. Въ XIV вѣкѣ, въ Вильнѣ было два русскихъ гостинныхъ двора, обращавшихъ вниманіе своимъ богатствомъ и разнообразіемъ товаровъ. Вильна считалась долгое время самымъ промышленнымъ и торговымъ городомъ на востокѣ Европы; она вела торговые сношенія съ Московскою Русью, Крымомъ, Константинополемъ, Пруссіей и Венгріей, а ея склады богатыхъ и разнообразныхъ мѣховъ почитались лучшими въ Европѣ; сюда паѣзжали куницы изъ Венеціи, Англій, Голландіи и Германіи, торговавшіе шелковыми тканями и сукнами. Русское купечество, занимавшееся торговлею мѣхами, построило близъ ратуши великолѣпный скорняжій домъ, и только здѣсь могла производиться торговля „косматыми“ товарами, какъ тогда назывались мѣха. Это благосостояніе русскихъ купцовъ и мѣщанъ-ремесленниковъ благоприятно отразилось также и на церковно устроительныхъ дѣлахъ мѣстныхъ православныхъ храмовъ ²⁾.

¹⁾ Вильна, по отзыву унѣта Стебельскаго, въ XVI вѣкѣ была „столицей и гнѣздомъ православія“ (см. Христ. Чт. 1851, Прав. и рус. нар. въ Литвѣ, июнь, стр. 470, 472) Народонаселеніе Вильны, несмотря на различіе въ вѣроисповѣданіяхъ, въ домашней и общественной жизни преимущественно употребляло языкъ русскій. См. Васильевскаго, „очер. ист. г. Вильны“, въ Памят. стар. зап. губ. Батюшкова, вып. VI, глав. 6, стр. 1.

²⁾ См. Акты изд. Вилен. Ком. для разб. др. акт., г. XX. Акты, касающіеся гор. Вильны; въ предисловіи помѣщены многія любопытныя подробности, относящіяся до исторіи и быта тревней Вильны.

Можно полагать, что духовенство православное, не только высшее, но и низшее, вело также безбѣдную жизнь. См. въ этомъ отношеніи любопытное духовное завѣщаніе („духовнику“) начала XVI вѣка священника Виленской Юрьевской церкви Матвѣя. изъ этого завѣщанія усматривается, что онъ обладалъ довольно значительнымъ благопріобрѣтеннымъ имуществомъ, какъ-то: домомъ, серебромъ, мѣхами, коврами, лошадьми; у него оказались и капиталы, а также библіотека (Вилен. Арх. Сб., т. VI, стр. 12).

„Въ полонкой землѣ, или въ великомъ княжествѣ Литовскомъ, приходское духовенство едва ли не лучше было обезпечено, чѣмъ въ другихъ

Въ срединѣ XV вѣка (приблизительно около 1458 года) въ городѣ Вильнѣ образовалось церковное братство „кушнерское“ (скорняковъ), которое къ тремъ праздникамъ въ году, именно св. Духа, св. Николая и Рождества Христова, покупало въ складчину медь, сытило его и затѣмъ распивало на братскомъ собраніи; въ эти же праздничные дни братство раздавало восковыя свѣчи по церквамъ. Въ продолженіи 80 лѣтъ оно, не встрѣчая никакихъ препятствій со стороны духовныхъ и гражданскихъ властей, настолько окрѣпло и размножилось, что создало уставъ и построило на Конской улицѣ особый домъ для братскихъ собраній. Въ 1538 году уполномоченные отъ всего братства, представляя за братскою печатью свой уставъ, били челомъ королю Польскому и великому князю Литовскому Сигизмунду I съ просьбою дать имъ грамоту на подтвержденіе ихъ братства и устава, выработаннаго на основаніи ихъ давнихъ обычаевъ. Король удовлетворилъ ихъ челобитье и выдалъ 31 декабря 1538 года за собственноручною подписью и печатью уставную грамоту.

*Церковное
братство
„кушнер-
ское“, въ
XV вѣкѣ.*

Выработанныя братствомъ правила сводились къ нижеслѣдующимъ главнымъ положеніямъ:

1., братчики (старшіе и младшіе) выбирали ежегодно изъ своей среды старость, которымъ отдавали въ завѣдываніе всѣ братскія деньги, все имущество и поручали всѣ братскія дѣла;

2., въ концѣ года старосты обязаны были представить братству отчетъ;

3., въ помощь старостамъ выбирались ключники для братскихъ послугъ („къ послузѣ братской“);

4., надзоръ за порядкомъ, тишиной и благочиніемъ въ домѣ братскомъ, во время собраній, былъ возложенъ на старостъ и ключниковъ, причемъ имъ было предоставлено право дѣлать замѣчанія всѣмъ нарушающимъ эти порядки¹⁾;

5., братство имѣло право, если эти замѣчанія не подѣйствовали, наказать упорствующихъ („чимъ братья обло-

краяхъ Русл“; замѣчаніе П. Бѣляева въ его ст. „Полоцкая православная церковь до Брестской уніи“ въ Православи. Обзорѣніи, январь и февраль 1870 года.

¹⁾ Какъ сказано въ уставѣ: что-бы „словъ сбытныхъ межн собою не мовили, и на столъ не возлегали, и меду ихъ братскаго не розливали“.

жать“), а также и всѣхъ тѣхъ, которые нанесли старостамъ и ключникамъ какую либо обиду словомъ, или дѣйствіемъ:

6., суду братскому подлежали также и сами старосты, если бы они стали противодѣйствовать братству ¹⁾, а также ключники въ случаѣ ненаслушанія старостамъ;

7., лицо, получившее въ домѣ братскомъ во время собраній какую либо обиду словомъ или дѣйствіемъ, могло свою жалобу принести старостамъ, которые на другой день должны были эту жалобу представить на обсужденіе всѣхъ братчиковъ; послѣдніе разрѣшали это дѣло на общемъ собраніи „судовнымъ обычаемъ“, и на виновныхъ налагали наказанія (пени денежные или воскомъ, а въ крайнихъ случаяхъ исключеніе изъ братства); при этомъ въ уставѣ было выражено запрещеніе искать, помимо братскаго суда, иного суда, будь то судъ свѣтскій, или духовный (римскаго или греческаго вѣроисповѣданія), ибо, прибавлялось въ уставѣ, всѣ такія дѣла, по стародавнему обычаю, разбирались всегда братскимъ судомъ;

8., въ частности въ уставѣ запрещалось и лицамъ духовнымъ римской или греческой вѣры, какъ состоявшимъ членами братства, такъ равно приглашеннымъ на собранія въ качествѣ гостей, или же вписавшимся только на тотъ день, когда бывало собраніе — искать въ упомянутыхъ дѣлахъ, помимо братскаго суда, разбора у бискупа, или митрополита, а также у ихъ намѣстниковъ;

9., далѣе, запрещалось шляхтичу, дворянину или иному „общему“ человѣку, вписавшемуся („вкунившемуся“) на тотъ день, когда у братства справлялся праздникъ и было пированіе, или же приглашенному въ качествѣ гостя („ради чести“) разбирать мѣсто, а гдѣ приведетъ случай тамъ, по указанію старосты, и надлежало ему занять мѣсто: также точно запрещалось такимъ лицамъ входить въ братскую свѣтлицу съ оружіемъ и въ сопровожденіи слугъ.

Наконецъ, въ заключеніе шли слѣдующія постановленія:

10., вписанному братчику предписывалось въ случаѣ перехода въ другое братство сообщать объ этомъ старостамъ и братству, которое потомъ и исключало его имя изъ списка;

1) „Если бы староста въ томъ братствѣ перещъ братью какой выступъ учинилъ“.

11., въ случаѣ смерти братчика братство должно было выдавать для его погребенія бархатъ, свѣчи и провожать его тѣю;

12., бургомистрамъ и раднамъ Вилескимъ, вѣроисповѣданія римскаго и греческаго, указывалось не отбирать у братства его вншнихъ членовъ и не записывать ихъ въ составъ другихъ братствъ („до своихъ братствъ на послугу себѣ брати“) и тѣмъ наносить вредъ кушнерскому братству¹⁾.

Этотъ документъ любопытенъ во многихъ отношеніяхъ; такъ, онъ свидѣтельствуетъ что въ началѣ XVI вѣка, а можетъ быть и ранѣе, въ Вильнѣ существовали другія церковныя братства, что въ братствѣ кушнерскомъ были весьма развиты древнія русскія общинныя начала, нашедшія себѣ выраженіе въ равноправности всѣхъ его членовъ, въ самоуправленіи съ устраненіемъ произвола и перадѣнія, въ подробно составленныхъ правилахъ собственнаго суда, ревниво въ уставѣ оберегаемаго. Особенно обращаетъ на себя вниманіе постановленіе о допущеніи на братскія собранія, и даже въ составъ братства, католиковъ, а также духовныхъ о оубъ римской церкви. Это постановленіе указываетъ, что до уніи православныя братства, возникавшія съ цѣлями церковно-устроительными, вовсе не вводили въ программу своей дѣятельности задачъ открытой борьбы съ католицизмомъ. Вообще слѣдуетъ замѣтить, что вѣротерпимость до уніи простиралась до такой степени, что православные священники часто приглашались въ католическія семейства для крещенія дѣтей, для погребенія умершихъ и для совершенія другихъ церковныхъ требъ, на что въ 1579 году луцкое католическое духовенство жаловалось даже королю. Всѣ эти проявленія вѣротерпимости указываютъ, что нѣкогда въ западной Россіи между православною и римскою церквами существовала настоящая унія, которая могла, съ Божьей помощью, укрѣпляться и быть можетъ со временемъ

¹⁾ Соловьевъ въ стат. „Братчимъ“ (Рус. Вѣст. 1856 г. кн. IV), ссылаясь на уставъ кушнерскаго братства, дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: „зтѣмъ братство сохраняетъ общій характеръ братчины, съ какиимъ видимъ ее посещество въ Россіи, характеръ пира въ складчину, хотя мы здѣсь и видимъ, что братство имѣетъ своею цѣлью цѣла благочестія и милосердія, однако деньги, употребляемыя на церковное строеніе и милостыню, выручаются за медъ, выпиваемыя на братскихъ пирахъ.“

привести эти церкви къ соединенію, но дѣло это было разрушено рукой чуждой и враждебной русскому народу ¹⁾).

*Церковное
Обратство
дома „Пречистой
Богородицы
въ ХІІ вѣкѣ.*

Существованіе въ Вильнѣ, въ началѣ ХVІ вѣка, другихъ церковныхъ братствъ подтверждается также иными документами. Такъ, изъ грамоты Литовскаго митрополита Юсифа, отъ 20 сентября 1509 года, видно, что тогда существовало православное братство „дома Пречистой Богоматери“, которому Константинопольскій патріархъ прислалъ подвижный антиминсъ для его церкви. Вѣроятно въ составъ братства входили многіе торговцы, ибо митрополитъ своей грамотой разрѣшалъ священникамъ свободно отправлять богослуженіе на этомъ антиминсѣ въ какихъ бы странахъ, польскихъ, прѣмечскихъ, или иныхъ ни случилось быть членамъ братства. Горожане Виленскіе и Львовскіе отличались въ ту эпоху достаточнымъ образованіемъ, многіе изъ нихъ отправлялись за границу по торговымъ дѣламъ, причемъ нѣкоторые изъ нихъ, ѣздившіе на востокъ, посѣщали въ Константинополѣ патріарха, которому сообщали о церковныхъ дѣлахъ Литвы и Галичины, обращались къ нему съ просьбами по поводу своихъ церковныхъ нуждъ и затрудненій и просьбы эти по возможности, какъ мы видимъ, патріархомъ удовлетворялись. Упомянутое братство было вполне церковнымъ и благотворительнымъ и существовало при Виленскомъ Пречистенскомъ соборѣ; оно установило свои трехдневные праздники шесть разъ въ году, и имѣло свой братскій домъ, находившійся на Савичъ-улицѣ (нынѣ Бакшта) и освобожденный отъ уплаты повинностей, а при Спаской церкви свою богадѣльню, на содержаніе которой ассигновало доходы съ свѣихъ каменныхъ бань на рѣкѣ Вилейкѣ и съ домовъ, распотожженныхъ, какъ по сосѣдству бань, такъ и на Савичъ-улицѣ. По мнѣнію митрополита Макарія ²⁾, въ составъ этого братства входили Виленскіе бургомистры, радцы, лавники греческаго закона, то есть всѣ православныя власти города, и оно, впоследствии, называлось также „мѣтскимъ“ (городскимъ) и „панскимъ“.

¹⁾ См. любезнѣе приращіе Нарбута въ его Ист. Литвы (Dz. star. nar. Lit.) т. IX стр. 467. „W Litwie duch tolerancji panował od wieków.“

²⁾ Ист. рус. цер., т. IX, стр. 179, 227, 229, а также Собр. древ. грам. и акт. гор. Вильны, Ковны, Трокъ 1843 г., ч. II, № 1, грам. кор. Стефана отъ 1582 г., а также № 2.

Въ началѣ XVI вѣка (если не прежде, какъ замѣчаетъ митрополитъ Макарій) образовалось еще въ городѣ Вильнѣ братство „купецкое - кожемякое“ ¹⁾. Оно имѣло грамоты короля Сигизмунда I, а цѣли его и устройство были одинакія съ прочими братствами въ городѣ, то есть оно обязывалось „радѣть о потребностяхъ церковей Божіихъ и о госпиталяхъ“ ²⁾; въ избранные праздничные дни, по своимъ стародавнимъ обычаямъ („водлѣ давныхъ звычаевъ своихъ“) оно устраивало въ складчину трехдневные медовые пиры (восемь разъ въ году): невыпитый медъ оно продавало безпошлинно и доходы обращало на дѣла церковныя (на ступи церковныя) и благотворительныя (вспоможеніе бѣднымъ и пособіе госпиталю), а воскъ шель на церковныя свѣчи. Братство имѣло свой домъ на Старичѣ-улицѣ, освобожденный также отъ городскихъ повинностей и постоя, и братскій уставъ былъ совершенно сходенъ съ уставомъ купеческаго братства; въ немъ находимъ тѣ же правила о самоуправленіи и собственномъ судѣ, а также правила о вѣротерпимости, допускавшей въ составѣ братства католиковъ, и широкое гостепримствѣ ³⁾.

Церковное братство „купецкое - кожемякое“ въ XVI вѣкѣ

¹⁾ Кожемяки-кожевники, выдѣлывающіе сырмять.

²⁾ „О потребяхъ церковныхъ и шпитальныхъ“ см. приведенную выше грамоту № 2.

³⁾ Н. Д. Бѣляевъ, въ ст. „Полонская православная церковь до Врестской унии“ (журн. Правосл. Обзор. янв.-февр. 1870 года) сравнивая уставы литовскихъ братствъ съ устройствомъ братчины, дѣлаетъ слѣдующее важное замѣчаніе: „сравненіе устава виленскаго братства (А. З. Р. т. III, № 131) съ уставомъ братчины въ судной нековской грамотѣ и съ грамотами московскими о томъ же предметѣ и съ другими законоеніями сѣверо-восточной Руси, прямо свидѣтельствуетъ, что братчина и братство выражаютъ одно и то же учрежденіе. Какъ по виленскому уставу братство выбирало годовыхъ старостъ и судей, такъ точно по нековской судной грамотѣ и по другимъ законоеніямъ братчина выбирала своихъ старостъ или судей, и даже широкое кнзиза: какъ по виленскому уставу всѣ дѣла, возникшія во время братскаго шира, рѣшались братскимъ судомъ и никто изъ участниковъ и гостей не имѣлъ права отговариваться отъ братскаго суда и переносить дѣло въ иной судъ, точно такъ же и по нековской грамотѣ братчина имѣла свой судъ и участники братчины не имѣли права отказываться отъ братчиннаго суда и жаловаться къ другому судѣ, а по нѣкоторымъ московскимъ грамотамъ даже убійство во время братчины рѣшалось братчиннымъ судомъ. Какъ по виленскому уставу поводомъ къ первоначальному учрежденію братствъ были братчинные пиры въ складчину на извѣстные церковные праздники въ году, точно такъ же поводомъ къ

*Церковное
братство
„роское“ и
другія
братства
въ г. Виль-
нѣ, въ XVI
вѣкѣ.*

Для полноты свѣдѣній о числѣ и устройствѣ всѣхъ извѣстныхъ по актамъ церковныхъ православныхъ братствъ въ Литвѣ и въ частности въ городѣ Вильнѣ, которыхъ введеніе уніи застало уже вполнѣ организованными, необходимо коснуться и тѣхъ братствъ, которыя возникли въ самомъ концѣ XVI вѣка, какъ въ городѣ Вильнѣ, такъ и въ другихъ мѣстахъ Литвы, а также и тѣхъ правительственныхъ распоряженій, которыя относились до прежнихъ, а равно и до нововозникшихъ братствъ. Такъ, въ царствованіе короля Стефана Баторія, панское, купецкое-кожемяцкое и кушнерское братства испросили себѣ подтвердительныя грамоты, а въ 1582 году въ предмѣстьи города Вильны-Росѣ учредилось новое православное братство при церкви Пречистой Богородицы, состоявшее изъ шапошниковъ, сермяжниковъ и ноговичниковъ (чулочниковъ). Оно по типу хотя и принадлежало также къ медовымъ братствамъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ составляло и цехъ, а потому въ уставѣ своемъ болѣе чѣмъ другія братства отвело мѣсто цеховымъ правиламъ; это братство имѣло также свой домъ на предмѣстьѣ Росѣ, сытило, по примѣру прочихъ братствъ, медъ

учрежденію братчинъ въ другихъ краяхъ Руси были тоже братчинныя пиры въ складчину на извѣстные церковныя праздники въ году, точно также поводомъ къ учрежденію братчинъ въ другихъ краяхъ Руси были тоже братчинныя пиры въ складчину на извѣстные церковныя праздники, почему они и назывались именемъ церковнаго праздника-викольщица, петровщица, михайловицина и т. под.—Какъ по виленскому уставу въ братскомъ пиру могли участвовать и сами братчики, внесенные въ братство, и гости приглашенные братчиками, точно также и въ другихъ краяхъ Руси въ братчинномъ пиру участвовали, какъ вложившіеся въ братчину, такъ и сторонніе гости, напримѣръ въ сельскихъ братчинахъ, сосѣди по селамъ. что частію соблюдалось даже въ началѣ нынѣшняго столѣтія въ разныхъ углахъ старой русской земли. Это были учрежденія, общія всей русской землѣ, указывающія на тѣсную связь прихода со своею церковью.

Преосв. Филаретъ въ Ист. рус. церкви (изд. 2, 1851 г., ч. 3, стр. 29) говоритъ: „братства юга, какъ и строители церквей или монастырей, имѣли участіе въ правленіи церковномъ, именно-нечетельное о зданіяхъ, содержаніи духовенства и бѣдныхъ и право голоса при назначеніи настоятелей и священниковъ“. Историкъ Соловьевъ, въ стат. „Братчины“ (Рус. Бесѣд. 1856 г., кн. IV) замѣчаетъ „братчина Восточной Россіи и братство Западной въ началѣ было одно и тоже учрежденіе, которое въ разныхъ мѣстахъ имѣло разныя степени развитія: въ областяхъ собственно Московскаго государства—наименьшую, въ Псковѣ, и, по всѣмъ вѣроятіямъ, въ Новгородѣ,—большую, а въ западной Россіи—наибольшую.

къ четыремъ праздникамъ въ году, именно къ Юрію вешнему, къ св. Іоанну, къ Пароженью Пречистой и къ Громницамъ (къ Срѣтенью), помогало бѣднымъ (давало на шпиталь) и принимало на свой счетъ ихъ похороны.

Касаясь церковной жизни г. Вильны конца XVI вѣка надлежитъ въ видѣ предположенія высказать, что по всѣмъ вѣроятіямъ, при большинствѣ православныхъ церквей города существовали церковныя братства, какъ въ томъ убѣждаютъ новѣйшія розысканія въ обильномъ древними актами Виленскомъ центральномъ архивѣ. Такъ оказывается, что при Покровской церкви, на церковной землѣ, былъ въ то время домъ, принадлежавшій ремесленникамъ портнымъ, а при церкви Петропавловской, на Зарѣчьи, о которой акты упоминаютъ въ XVI вѣкѣ, былъ госпиталь; въ концѣ того же вѣка, именно въ 1594 году въ актахъ упоминается, что при церкви подъ названіемъ Пятницкой, на Великой улицѣ (Wielkiej), существовало Пятницкое братство и богадѣльня на погостѣ; объ этомъ братствѣ однако не сохранилось болѣе подробныхъ свѣдѣній.

Въ 1584 году Стефанъ Баторій пожаловалъ грамоту Виленскимъ бургомистрамъ, радцамъ и лавникамъ православной вѣры о предоставленіи въ ихъ вѣдѣніе и управленіе древняго Троицкаго монастыря со всѣми принадлежавшими къ нему имѣніями, угодьями и доходами, причемъ доходы эти предназначались на пужды монастыря, а также на постройку школъ и на содержаніе учителей и учениковъ. Монастырь этотъ въ то время находился въ завѣдываніи и управленіи митрополита Онисифора и потому король дозволялъ виленскимъ мѣщанамъ воспользоваться его грамотой лишь по кончинѣ митрополита, который, какъ извѣстно, лишенъ былъ въ 1588 году патріархомъ Іереміей своего сана. Уступка Троицкаго монастыря виленцамъ и обязательства, принятая ими по этому случаю на себя, является весьма важнымъ актомъ для нашихъ сѣверо-западныхъ церковныхъ братствъ; вышеприведенная грамота указываетъ, какъ зарождалось въ то время въ Вильнѣ новое братство, которое сплотило воедино силы болѣе стойкихъ въ вѣрѣ православныхъ гражданъ, задавшихся широкими просвѣтельными цѣлями, которыхъ прежнія братства не вводили въ такой степени въ кругъ принятыхъ на себя обязанно-

Учрежденіе въ 1584 г. въ г. Вильнѣ религіозно-просвѣтительнаго (в. Троицкаго) церковнаго братства

стей. Такъ возникло въ 1584 году религіозно-просвѣтительное церковное братство сначала при Свято-Троицкомъ монастырѣ, а затѣмъ, по отнятіи его уніатами, при Свято-Духовскомъ монастырѣ, построенномъ въ концѣ XVI вѣка этимъ братствомъ. Это братство, какъ извѣстно, пользовалось въ XVII вѣкѣ громаднымъ вліяніемъ въ дѣлахъ западно-русской церкви на Литвѣ и прославилось на вѣчныя времена своей защитой православія и русской народности отъ страшныхъ гоненій католиковъ и уніатовъ, а также религіозно-просвѣтительной дѣятельностью на пользу православной церкви.

Кромѣ находившихся въ городѣ Вильнѣ церковныхъ братствъ документы сообщаютъ о такихъ же учрежденіяхъ и въ другихъ городахъ и мѣстечкахъ Литвы, обнаружившихъ свое существованіе въ царствованіе Стефана Баторія.

*Церковныя
братства
въ другихъ
мѣстахъ
Литвы.*

Изъ наказной королевской грамоты Мстиславскимъ старостамъ отъ 20 Января 1579 года видно, что ею дозволялось тамошнему мѣщанскому братству, по старинному обычаю „зъ давнихъ часовъ“) производить свободно на св. Троицу и въ дни Миколины „метовые склады“, съ обращеніемъ дохода съ нихъ въ пользу церкви ¹⁾. Сохранились свѣдѣнія, что въ древне-русскомъ мѣстечкѣ Куренець (Виленской губерніи, Вилейскаго уѣзда), гдѣ уже въ 1355 году была православная церковь Рождества Пресвятыя Богородицы, въ 1576 году существовало при этой древней церкви церковное братство „св. Пречистое Куренецкое“, земельное имущество котораго писарь великаго княжества Литовскаго Гавріиль Война записью 1576 года старался оградить отъ всякой кривды не только со стороны арендаторовъ, но и со стороны своихъ наслѣдниковъ. При церкви Спасской въ томъ же мѣстечкѣ Куренець жилъ въ указанное время бакалавръ (боколяръ) и слѣдовательно

¹⁾ Мстиславъ—старый русскій городъ, построенный въ 1180 году Смоленскимъ княземъ Романомъ и названъ по имени сына его Мстислава которому онъ былъ назначенъ въ уѣздъ. Позднѣйшіе князья Мстиславскіе, потомки Ольгерда, будучи православными, жертвовали большія имѣнія и угоды въ пользу мѣстнаго Онуфріевского монастыря и церкви св. Троицы, построенной въ 1463 году княземъ Пваломъ Юрьевичемъ Мстиславскимъ, и факты эти свидѣтельствуютъ о крѣпости православія въ этомъ округѣ.

существовала школа, гдѣ производилось обученіе мѣстныхъ дѣтей. Изъ грамоты королевской отъ 3 марта 1585 года Полоцкому архіепископу Теофану узнаемъ, что король Стефанъ Баторій постановилъ изъять изъ его завѣдыванія Могилевскій Спасскій монастырь и предоставить его въ вѣдѣніе гражднъ города Могилева. Это распоряженіе было затѣмъ подтверждено въ 1588 году Сигизмундомъ III ¹⁾. Могилевскіе горожане, получивъ обратно Спасскій монастырь почти одновременно съ образованіемъ Виленскаго св. Троицкаго религіозно-просвѣтительнаго братства, учредили и въ городѣ Могилевѣ такое же братство, устройвъ при монастырѣ школу латинскаго, русскаго и польскаго языковъ. Король Стефанъ Баторій старался населить городъ Могилевъ разными ремесленниками и между прочимъ кожевниками, которые въ 1589 году въ свою очередь учредили церковное братство (кушнерское или скорнячное), по своему уставу совершенно сходное съ Виленскимъ кушнерскимъ братствомъ.

О существованіи въ городѣ Львовѣ церковнаго православнаго братства упоминается впервые въ лѣтописи этого братства за 1463 годъ, когда оно приняло въ свое завѣдываніе древній монастырь св. Онуфрія, возстановленный и надѣленный доходами Львовскимъ мѣщаниномъ Стефаномъ Дронамомъ. Въ Львовѣ въ то время было восемь православныхъ церквей и между ними Успенская, при которой и образовалось церковное братство, по съ точностью годъ его учрежденія не извѣстенъ, а равно и первоначальный его уставъ ²⁾. Главной заслугой братству въ эпоху XVI

*Учрежденіе
въ 1463 г.
въ городѣ
Львовѣ
Успенскаго
церковнаго
братства*

¹⁾ См. Бѣлорус. архивъ древ. грам., 1824 г., ч. I, стр. 36 и 43. Въ первой грамотѣ (1578 г. король Стефанъ разрѣшалъ Могилевцамъ устроить школу (et scholam christianam fundabunt et construent), а другою грамотою (1585 г.) давался православнымъ полная свобода исповѣданія вѣры по древнимъ уставамъ ихъ церкви, по старому календарю, съ предоставленіемъ права основывать странноприимные дома и гимназіи (gimnasia).

О древности Спасскаго монастыря въ городѣ Могилевѣ, построенаго „мѣщанскимъ коштомъ“ свидѣтельствуютъ привилегіи, относящіяся еще къ 1447 году: православіе въ городѣ Могилевѣ было въ сказанное время еще настолько сильно, что только въ 1604 году въ этомъ городѣ былъ устроенъ первый костель.

²⁾ См. Лѣтопись Львовскаго ставропигіальнаго братства, составленную Дюницемъ Зубрыцкимъ, въ Жур. Мн. Нар. Просв., часть LXII, 1849 г.

вѣка слѣдуетъ признать его старанія о возстановленіи православной епископін въ Львовѣ, увѣчившіяся уснѣхомъ, такъ какъ въ 1539 году король Сигизмундъ I вновь учредилъ уже болѣе 100 лѣтъ несуществовавшую въ Львовѣ и Галичинѣ православную епископскую кафедру и епископомъ назначилъ изъ Львовскаго братства Макарія Тучанскаго ¹⁾. Изъ лѣтописи братства узнаемъ, что съ половины XVI вѣка братство особенно было занято возстановленіемъ своей древней каменной Успенской церкви, которая отъ пожаровъ и ветхости потрескалась. Братство за пособіемъ на это дѣло обращалось къ православному Молдавскому господарю Александру, который выдавалъ щедрую денежную помощь и принималъ церковь подъ свое покровительство; въ память этихъ щедротъ эта церковь стала слыхать въ народѣ подъ именемъ Волосской церкви. Въ 1571 году братство постигло несчастье; только что обновленная и украшенная церковь сгорѣла до тла и братству снова пришлось собирать средства на ея возстановленіе, причемъ на этотъ разъ оно обратилось за пособіемъ къ Московскому царю Ѳедору Іоанновичу, который выслалъ братству щедрое подаваніе, а пока оно стало строиться на свои средства. Такъ чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ пожара на средства члена братства польскаго дворянина Константина Корнякта окончилась постройкой величественная колокольня изъ тесанаго камня на мѣсто прежней обрушившейся и построенной тоже на средства одного изъ братчиковъ, именно старшаго братчика Давида Ѳомы ²⁾.

Выдающееся значеніе въ краѣ Львовскаго Успенскаго братства не могло не отразиться благопріятнымъ образомъ на церковно-приходской жизни, какъ въ самомъ Львовѣ, такъ и въ другихъ городахъ Галичины. Такъ въ 1542 году епископъ Львовскій Макарій грамотою благословилъ и утвердилъ совмѣстно съ своими крылошанами духовное или церковное братство въ городѣ Львовѣ, при церкви Благовѣщенія Пресвятой Богородицы, на Краковскомъ предмѣстьѣ. При утвержденіи этого братства обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что за благословеніемъ и утвержденіемъ

¹⁾ Лѣт., 1539 годъ.

²⁾ См. Лѣтопись; 1556, 1561—66, 1572, 1580 и 1592 годн.

Другія церковныя братства въ г. Львовѣ и въ Галичинѣ въ XVI вѣкѣ

ніемъ его къ епископу приходилъ мѣстный священникъ вмѣстѣ со всѣми прихожанами, которые обязались, по доброй волѣ, крѣпко держаться въ братскомъ союзѣ для душевнаго своего спасенія. Въ 1544 году такое же братство учредилось въ городѣ Львовѣ при церкви Святителя Николая. Братчики при самомъ началѣ вносили въ братскую кружку по шести грошей ¹⁾ и вписывали имена свои и своихъ родныхъ въ братскія книги для вѣчнаго поминовенія, потомъ ежемѣсячно уплачивали по полъ гроша. Ежегодно совершались въ братской церкви четыре заупокойныхъ литургій и одна за здравіе и спасеніе братчиковъ. Братство принимало въ свой составъ также лицъ проживавшихъ внѣ прихода (въ томъ числѣ, какъ значится въ уставѣ Благовѣщенскаго братства, и пановъ и шляхтичей), а также и гостей на свои празднества, которые уплачивали по 2 гроша и приносили свѣчи. Братство оказывало пособіе бѣднымъ и больнымъ, а умершихъ братчиковъ всей громадой провожало до могилы. Для управленія дѣлами братство ежегодно избирало изъ среды своей двухъ старшихъ и во взаимныхъ обидахъ судилось собственнымъ судомъ.

Внѣ Львова учредилось въ Галичинѣ въ срединѣ XVI вѣка церковное братство въ городѣ Вишиѣ, какъ видно изъ грамоты отъ 18 августа 1563 года Перемышльскаго и Самборскаго епископа Антонія. Мотивы, выставленные въ уставѣ вишенскими мѣщанами и жителями предмѣстья для образованія изъ ихъ среды церковнаго братства весьма примѣчательны: они заявляли, что образовали братскій союзъ „для душевнаго избавленія и посмерти покоя и на память вѣчную предкомъ и родителемъ ихъ“. Епископъ утвердилъ это братство съ вѣдома всего крылоса и духовенства кафедральной церкви св. Юанна Крестителя, причемъ въ грамотѣ указалъ: „абы (братчики) дръжали единъ съ другимъ братство сполен и другъ друга въ почтливости мѣли; вступнаго кажный платитъ 6 грошей; сходятся у громаду въ 4 недѣли разъ“. Братчики также обязывались сопровождать тѣло умершаго сочлена и лицо, не исполнившее эту обязанность, должно было внести штрафъ, именно, 1 фунтъ воска.

1) Тогдашній польскій грошъ равнялся почти шести копѣйкамъ сер.

Такимъ образомъ, въ концѣ XVI вѣка, какъ мы видимъ, по всей Литвѣ, сѣверной и южной, равно во всей Галичинѣ, православное населеніе было охвачено стремленіемъ сплачиваться въ братскіе церковные союзы, когорые еще болѣе размножились во времена уніи, когда опасность для православія сдѣлалась явной. Эти союзы послужили очагами религіозно-церковнаго возрожденія для православнаго населенія всего Западнаго края. Цѣли, которымъ служили прежнія медовыя братства, а именно, церковно-устроительныя и благотворительныя, оказывались по обстоятельствамъ времени недостаточными, и на первомъ планѣ были поставлены заботы религіозно-просвѣтительныя. Какъ уже было сказано, въ городахъ Вильнѣ и Львовѣ, а также въ городѣ Могилевѣ церковныя братства почти одновременно преобразовались въ религіозно-просвѣтительные союзы и вскорѣ, по образцу Виленскаго и Львовскаго братствъ, стали возникать повсемѣстно церковно-православныя братства просвѣтительнаго характера и густою сѣтью покрыли всю западную Русь, на пространствѣ отъ города Мстиславля до самыхъ западныхъ границъ Галичины.

А. Панковъ.

С.-Петербургъ,
8 ноября 1896 года.

П Р И Л О Ж Е Н І Е.

Настоящее историческое изысканіе направлено къ раскрытію того факта, что русскія общинныя начала, проникнувшіе христіанскимъ свѣтомъ, послужили основаніемъ для повсемѣстнаго учрежденія на Руси церковныхъ братствъ, которыя получили свою крѣпкую организацію на нашемъ западѣ въ концѣ XVI и въ началѣ XVII вѣковъ. Поэтому, встрѣчая въ исторической литературѣ довольно распространенное мнѣніе о томъ, что наши церковные союзы въ нѣкоторомъ отношеніи обязаны своимъ возникновеніемъ Магдебургскому праву, которое предославлялось литовско-польскими государями, начиная съ конца XIV вѣка, западно-русскимъ городамъ, и, въ частности, основанному на этомъ правѣ цеховому устройству ремесленнаго населенія въ этихъ городахъ, мы должны высказать вкратцѣ соображенія, по которымъ мнѣніе это кажется намъ волюнтаристическимъ и не соответствующимъ всѣмъ тѣмъ историческимъ даннымъ, которыя раскрываются при изученіи вопроса о происхожденіи нашихъ церковныхъ братствъ ¹⁾.

Постановленія Магдебургскаго права, сосредоточившія обширную административную, судебную, полицейскую и хозяйственную власть въ выборныхъ городскихъ коллегіяхъ (магистратахъ), были по своему духу чуждыми русскимъ общиннымъ началамъ, въ силу которыхъ всѣ члены городской общины были волюнтаристически равноправны въ дѣлахъ самоуправленія и самосуда, причемъ равноправность эта достигала своего высшаго проявленія и осуществленія на вѣчевой сходкѣ всѣхъ членовъ общины, являвшейся волюнтаристически есте-

¹⁾ Напр. мнѣнія І. Флорова „О прав. церк. брат.“ 1857 г. (стр. 16) и Васильевскаго „Очер. ист. г. Вильны. вып. VI Там стар. зап. губ., стр. 15.

ственно верховной инстанціей для окончательнаго разрѣшенія всѣхъ дѣлъ общины и единственнымъ источникомъ всякой общинной власти, которая не могла превратиться въ произволь привилегированнаго правящаго сословія.

По изслѣдованію В. Б. Антоновича ¹⁾, время пожалованія королями Магдебургскаго права городамъ западной Россіи, съ цѣлью предотвратить окончательное порабощеніе городского сословія военно-шляхетскимъ сословіемъ, совпадало съ временемъ упадка общиннаго строя жизни въ каждой области, и въ тѣхъ городахъ, которые раньше получали названное право (какъ на примѣръ въ городахъ Галичины, начавшихъ получать это право со второй половины XIV вѣка) этотъ строй жизни былъ болѣе подавленъ военно-административной и судебно-полицейской властью правительственныхъ чиновниковъ, чѣмъ въ тѣхъ городахъ, которые позднѣе получали это право. Будучи чуждымъ по духу русскому обычному праву, Магдебургское право, предоставляемое королями городскимъ общинамъ съ извѣстными ограниченіями и подчиненіемъ магистратовъ намѣстнической или старостинской власти, а также и власти частныхъ владѣльцевъ, если городъ былъ расположенъ на ихъ землѣ, никогда и не было усвоено нашими городскими общинами. Въ названномъ изслѣдованіи приводится достаточное количество примѣровъ того, какъ Магдебургское право („Speculum Saxonicum“), и въ частности, городское уложеніе, („Weichbild“) было извѣстно большинству городскихъ общинъ только по имени и вовсе не привилось, ни къ быту, ни къ юридическимъ понятіямъ русскихъ мѣщанъ. Еще менѣе соответствовало исконнымъ русскимъ понятіямъ о свободномъ занятіи ремеслами и промышленностью нѣмецкое цеховое устройство, проникнутое насквозь духомъ монополіи, недопускающимъ никакой конкуренціи и затрудняющимъ вся-

1) „Изслѣдованіе о городахъ юго-западнаго края“, Монографіи, т. I, стр. 135—194. „По смыслу Магдебургскаго права городомъ должны были управлять двѣ коллегіи, состоявшіяся изъ выборныхъ урядниковъ: 1., рада, предѣвателемъ которой былъ бургомистръ, завѣдывала судомъ по гражданскимъ искамъ, городской полиціею, городскими ямущесвами и надзоромъ за производствомъ торговли; 2., лавничій судъ (лавница), состоявшій изъ 12 присяжныхъ, подъ предѣвательствомъ войта, сущія уголовныя преступленія; *ibid.* стр. 171.

чески свѣжимъ силамъ доступъ въ цеховую корпорацію. Цеховое устройство позволяло горожанамъ-ремесленникамъ распадаться на соответствующіе ихъ ремесламъ цехи, и каждый цехъ, соединявшій горожанъ одинаковыми интересами по ремеслу или промыслу, жилъ и дѣйствовалъ, какъ корпорація, по своимъ уставамъ, которые утверждались магистратомъ и регулировали всю внутреннюю жизнь цеха. Весьма естественно, что русскіе мѣщане, издавна привыкшіе къ общенію и единенію въ своихъ братчинахъ на совершенно иныхъ, какъ мы видѣли, началахъ, воспользовались этими новшествами, вводимыми по инициативѣ высшаго правительства и сумѣли эти расширяющія права въ сферѣ ихъ общественной жизни перенести въ сферу церковныхъ своихъ дѣлъ и обязанностей, столь близкихъ всегда сердцу русскаго человѣка. Такимъ образомъ, введеніе литовско-польскимъ правительствомъ нѣмецкихъ порядковъ въ городскую жизнь западной Россіи повліяло на развитіе въ городахъ церковно-братскихъ союзовъ въ томъ лишь смыслѣ, что эти союзы, пользуясь такимъ направленіемъ въ политикѣ польскихъ королей, легче могли достигать признанія своихъ правъ на дальнѣйшее свободное существованіе въ государствѣ, а также свободнѣе вырабатывать свои уставы, примѣняясь къ обстоятельствамъ времени и требованіямъ своей церковной жизни. Для правительства это обособленіе православнаго населенія въ церковные союзы для осуществленія цѣлей церковно-устроительныхъ, благотворительныхъ и религіозно-просвѣтительныхъ не могло казаться какимъ либо новшествомъ и чрезмѣрнымъ домогательствомъ. Вотъ почему православные, правда не безъ труда, а при господствѣ уніи даже и при помощи значительныхъ денежныхъ затратъ, однако всетаки получали отъ польскихъ королей, какъ отъ „верховныхъ подавцевъ и обронцовъ церкви Божіихъ“ грамоты на учрежденіе и преобразованіе своихъ церковныхъ братствъ и польское правительство преслѣдовало только тѣ братства, которыя возникали безъ согласія короля. Недостаточная разработка исторіи русскихъ церковныхъ братствъ позволяетъ, конечно, высказывать всѣ приведенныя выше соображенія только въ видѣ предположеній, а равно возможно только съ большимъ вѣроятіемъ принять и мнѣніе, что уставы русскихъ церковныхъ братствъ

(какъ на примѣръ кушнерскаго), выработанные раньше развитія церковнаго устройства въ городѣ Вильнѣ и въ другихъ городахъ Литвы, скорѣе повліяли смягчающимъ образомъ на уставы цеховые, но во всякомъ случаѣ при сравненіи этихъ уставовъ нельзя не видѣть кореннаго различія тѣхъ началъ, которыми руководились церковные союзы и цеховыя корпораціи, принимавшія также на себя церковныя и благотворительныя обязанности. Тема объ этомъ различіи весьма любопытна, но она не входитъ въ предметъ настоящаго изслѣдованія. Здѣсь мы можемъ сдѣлать одно общее замѣчаніе, а именно, что самоуправленіе, самосудъ, общность кассы, нѣкоторая обрядность въ проявленіи общественной жизни—все это формы, встрѣчающіяся всюду и вездѣ, у разныхъ культурныхъ народовъ, члены которыхъ организуютъ общественные кружки, объединяемые какими либо общими цѣлями и интересами; вся суть въ тѣхъ началахъ, которыя въ нихъ вложены и въ томъ,—для чего люди объединяются и какъ это объединеніе осуществляется на практикѣ. О началахъ, на которыхъ устраивались наши братчины и братства уже было говорено, цѣли же ихъ были исключительно религіозныя въ общемъ смыслѣ этого слова. Что же касается до цеховъ, то извѣстно, что эти ремесленные союзы, развившіеся въ очегь раннюю эпоху (въ X вѣкѣ по Р. Х.) въ западной Европѣ и перенесенные къ намъ сначала въ западный край, образовались въ видахъ самозащиты во времена процвѣтанія феодальнаго строя, не дававшаго сословіямъ правильнаго равновѣсія по отсутствію въ государствахъ западной Европы крѣпкой верховной власти, способной поддержать это равновѣсіе. Зародившись и укрѣпившись въ городахъ съ значительнымъ ремесленнымъ населеніемъ, цехъ, какъ общественно-городская единица, быстро пріобрѣтаетъ у высшей власти, заинтересованной въ ослабленіи феодаловъ, политическія права, которыя онъ и старается закрѣпить за собою и приумножить. Цеховыя корпораціи, сосредоточивая въ своихъ рукахъ власть въ городѣ, пользуются этой властью для созданія себѣ монополіи и привилегій и, эксплуатируя все болѣе и болѣе чужой наемный трудъ—подмастерьевъ и учениковъ,— стараются закрыть свободный входъ въ цехъ младшимъ ремесленникамъ. Должности въ магистратѣ сосредотоци-

ваются въ рукахъ нѣсколькихъ старинныхъ ремесленныхъ родовъ, и такимъ образомъ появляется наследственная цеховая аристократія, которая потомъ долгое время съ успѣхомъ выдерживаетъ борьбу съ низшими сословіями, а также и съ верховною властью. Объ экономическомъ равенствѣ членовъ цеха не могло быть и рѣчи и вся ихъ солидарность ограничивалась соблюденіемъ общихъ формальностей, да регламентаціей качества работы и вознагражденія за нее. Цеховая форма выросла на почвѣ монополіи, принужденій и привилегій; принадлежность къ цеху составляла частное право корпорантовъ, занятіе ремеслами—ихъ монопольное право. Какая разница по началамъ съ нашими артелями. Подробности о цехахъ западной Европы см. между прочимъ у Дитятина „Уст. и упр. гор. Россіи, СПб. 1875 г., гл. II. Цехи въ западной Европѣ.

Если искать сходства между русскими братчинами и братствами съ западно-европейскими учреждениями, то это сходство можно найти въ духовныхъ гильдіяхъ Западной Европы, но, по замѣчанію Н. Скабалановича (Западно-европейскія гильдіи и западно-русскія братства“, Христ. Чтеніе, 1875 г., Сент. и Окт.), братства и гильдіи развивались самостоятельно и нѣтъ никакой надобности объяснять замѣчаемое сходство „взаимодѣйствіемъ“.

Во всякомъ случаѣ нельзя доказать, чтобы православныя братства возникли только въ тѣхъ городахъ, гдѣ было введено Магдебургское право,—какъ справедливо замѣтилъ авторъ критическаго обзора сочиненія Флерова „О православныхъ церковныхъ братствахъ“; см. Рус. Бесѣды 1858 г., т. I (отдѣлъ критики).
